

А. Г. ГОЛИКОВ, Т. А. КРУГЛОВА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Под общей редакцией
профессора А. Г. Голикова

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 030401 «История»
и направлению подготовки 030400 «История»*

4-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2010

УДК 930(075.8)
ББК 63.22я73
Г604

Авторы:

А. Г. Голиков — введение, гл. 7—11, заключение;
Т. А. Круглова — гл. 1—6

Рецензенты:

кафедра истории России исторического факультета Московского педагогического государственного университета (заведующий — доктор исторических наук, профессор *А. В. Лубков*); главный научный сотрудник Института Российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор *А. П. Корелин*

Голиков А. Г.

Г604 Источниковедение отечественной истории : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова; под ред. А. Г. Голикова. — 4-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2010. — 464 с.

ISBN 978-5-7695-7629-4

Пособие знакомит читателя с основными видами письменных источников по отечественной истории X — начала XXI в.: летописями, законодательными и частными актами, документами делопроизводства, статистическими источниками, материалами личного происхождения, периодической печатью. Читатель найдет в книге систематический обзор важнейших комплексов письменных исторических источников; проследит эволюцию этих источников; ознакомится с конкретными приемами выявления, обработки и анализа зафиксированной в них информации.

Для студентов высших учебных заведений и преподавателей.

УДК 930(075.8)
ББК 63.22я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Голиков А. Г., Круглова Т. А., 2007

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2007

ISBN 978-5-7695-7629-4

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2007

ВВЕДЕНИЕ

Историк изучает прошлое человеческого общества. *Все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит основой для научного познания, является историческим источником.*

Современные представления об исторических источниках базируются на *учении об информации* — одной из фундаментальных теорий второй половины XX в. Основы этой теории заложил американский математик и инженер К. Шеннон, работавший в телефонно-телеграфной компании. В 1948 г. он разработал и опубликовал схему передачи сообщений по линиям дальней связи. Пять ее элементов — источник информации, передатчик, канал связи, приемник, адресат — образовывали линейную связь. Каждый элемент выполняет определенную функцию. Источник информации создает сообщение или последовательность сообщений. Передатчик преобразует сообщения в сигналы, которые по каналу связи поступают к приемнику. Приемник восстанавливает сообщение. Адресат получает расшифрованное сообщение. Чтобы использовать эту схему в изучении общественных отношений, потребовалось провести специальные исследования, в ходе которых в 60—70-е гг. XX в. сформировалось учение об информации.

Идею о возможности использования ряда положений учения об информации для решения проблем источниковедения высказал в 1979 г. И. Д. Ковальченко¹. Спустя два года в учебнике «Источниковедение истории СССР» для студентов исторических специальностей университетов и педагогических институтов он кратко изложил основные положения этого учения применительно к проблемам источниковедения. Более подробно они раскрыты в его монографии «Методы исторического исследования» (М., 1987; 2-е изд. — М., 2003).

Поскольку информационные процессы присущи всем проявлениям общественной жизни, очевидно, что исторические источники не могут представлять исключения в этом отношении. Они выполняют функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошедшей действительности. С пози-

¹ См. подробнее: *Голиков А. Г.* Идеи академика И. Д. Ковальченко о развитии источниковедения // Исторические записки. — 1999. — Т. 2 (120). Памяти академика И. Д. Ковальченко.

ций учения об информации создание любого источника представляет собой процесс, в котором взаимодействуют *объект* (проявления действительности, не зависимой от творца источника) и *субъект* (творец источника, фиксирующий для своих целей информацию об объекте). Результат отражения субъектом объекта — *информация* — одновременно и объективна и субъективна. Она объективна в той мере, в какой отражает разнообразие свойств реального мира независимо от субъекта. Она субъективна постольку, поскольку субъект действует осознанно.

Историческое знание, утверждал Ковальченко, «является *дважды субъективизированным* (выделено *авт.*) отражением. Первый уровень субъективизации имеет место при фиксации исторической действительности той или иной эпохи творцами исторических источников, второй уровень связан с восприятием этой действительности историком на основе исторических источников. Естественно, что это делает историческое познание значительно более сложным по сравнению с теми областями науки, где такой двойной субъективизации нет. Использование историком в качестве исходной базы субъективизированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности. Важность и самостоятельность этой задачи привели к возникновению специальной исторической дисциплины, занимающейся ее решением — *источниковедения*»¹.

В источнике зафиксирована информация двух типов: *выраженная* (очевидная творцу источника) и *скрытая* (неочевидная для него вследствие множественности взаимосвязей свойств и черт, присущих объекту). В общем объеме информации, получаемой субъектом, всегда заключено больше скрытой информации, чем выраженной. *Учение об информации позволило теоретически обосновать содержательную неисчерпаемость исторических источников.*

Принципиальное значение имеет предложенная Ковальченко классификация исторических источников с учетом трех аспектов информации: синтаксического, прагматического и семантического.

Очевидно, что наиболее общим является *синтаксический аспект информации*, зафиксированной в источниках. *С точки зрения форм фиксации социальной информации выделяются четыре типа источников: вещественные, изобразительные, письменные и фонические.* Получившее распространение в отечественном источниковедении деление всей совокупности исторических источников на вещественные, письменные, устные, этнографические, лингвистические, фотокинодокументы и фонодокументы непоследовательно, так как основывается на разных принципах: одни группы вы-

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — М., 1987. — С. 105.

деляются по форме отражения действительности, другие — по объекту отражения, третьи — по способу фиксации информации. *Выделение типов источников является первым уровнем их классификации.*

Различаясь по формам отражения действительности, источники каждого типа требуют разработки принципов и методов научного изучения, соответствующих их специфике. Решению этой задачи способствует *деление источников (в рамках типов) на виды, представляющее второй уровень их классификации.* Он базируется на *прагматическом аспекте информации* — единстве целевого назначения. Источники одного вида содержат информацию, которая зафиксирована для сходных целей на основе единых принципов и методов. Это, в свою очередь, создает возможность применения единых принципов и методов источниковедческого изучения ко всем источникам данного вида. Обоснование классификации исторических источников по типам и видам с позиций учения об информации позволяет решать задачи выработки единых для каждого класса источников принципов и методов выявления, обработки и анализа зафиксированной в них информации.

Семантический аспект информации дает возможность классифицировать источники, исходя из их содержания. Такие классификации применяются историками для группировки типов и видов источников по степени их ценности для конкретной проблемы или темы.

Реализация идеи Ковальченко о выделении типов и видов источников на основе синтаксического и прагматического аспектов информации позволяет рассматривать источники в масштабе больших классов (типов, видов, разновидностей), а не на примере отдельных памятников. Это особенно важно для новейшего периода истории, когда существенно увеличивается количество источников и возрастает их качественное многообразие.

Типо-видовая классификация дает возможность построить периодизацию источниковедения отечественной истории с учетом качественных изменений в составе корпуса источников, произошедших в середине XIX в. В 30—90-е гг. XIX в. в России произошел промышленный переворот, кардинально изменивший процесс создания вещественных источников. Были изобретены фотография и кинематограф, в результате чего появились новые виды изобразительных источников, а также фонограф, по существу сформировавший фонические источники. Развитие капиталистических отношений в стране, ускоренное буржуазными реформами, предъявило качественно иные требования к обеспечению общества информацией и вызвало значительные изменения в составе, формах и содержании письменных источников. Изучение эволюции конкретных видов источников дает возможность определить особенности развития каждого из них в отдельности.

Избирательно отражая и фиксируя информацию об объекте действительности, субъект выполняет функцию источника информации и передатчика одновременно. Он создает исторический источник — носитель социальной информации. Эта информация, с одной стороны, опосредованно (через сознание субъекта, творца источника) отражает объект, а с другой — непосредственно характеризует своего создателя, и прежде всего его цели и методы отражения действительности. *Как носитель фиксированной информации исторический источник способен выполнять функцию канала передачи информации во времени.*

При передаче сообщения во времени субъект может стать его получателем в той степени, в какой сведения источника будут содержать выраженную для него информацию. В этом случае субъект — историк выполняет функцию приемника и получателя информации одновременно, изначально не являясь адресатом сообщения. Поэтому схема передачи социальной информации об исторической действительности включает три элемента: создатель источника, исторический источник, историк.

Наличие источниковедческой подготовки является необходимым условием профессиональной деятельности историка. Издан ряд учебников и учебных пособий по этой специальной дисциплине. Прежде всего следует назвать подготовленные в МГУ им. М. В. Ломоносова под редакцией И. Д. Ковальченко учебник «Источниковедение истории СССР» (М., 1981) и «Сборники документов для практических занятий по источниковедению истории СССР» (вып. 1—4. — М., 1980—1987).

До сих пор сохраняют значение изданные ранее специальные учебные пособия: М. Н. Тихомиров «Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1962); «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.» под ред. И. А. Федосова (М., 1970); М. Н. Черноморский «Источниковедение истории СССР (советский период)» (М., 1976); В. Л. Янин «Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород» (М., 1977).

Из изданий постсоветского времени следует назвать: учебное пособие преподавателей РГГУ И. Н. Данилевского, В. В. Кабанова, О. М. Медушевской, М. Ф. Румянцевой «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории» (М., 1998); программу учебного курса «Источниковедение отечественной истории» преподавателей кафедры источниковедения отечественной истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова С. В. Воронковой и Т. А. Кругловой, опубликованную в книге «Программы дисциплин специализации по отечественной истории» под ред. А. Г. Голикова в серии «Труды исторического факультета МГУ» под ред. С. П. Карпова (вып. 14, серия III. INSTRUMENTA STUDIORUM; вып. 6. — М., 2000); учебник для вузов «Источни-

коведение новейшей истории России: Теория. Методология. Практика» под ред. А. К. Соколова (М., 2004)¹.

Предлагаемая вниманию читателей книга знакомит с основными видами письменных исторических источников в хронологических рамках двух главных этапов их эволюции: 1) X—первая половина XIX в.; 2) вторая половина XIX—начало XXI в. Первый этап представлен летописями, законодательными источниками, актами, делопроизводственной документацией, материалами личного происхождения, периодической печатью (главы 1—6). Второй этап — законодательными актами, делопроизводственной документацией, статистическими источниками, документами личного происхождения, периодической печатью (главы 7—11). Специфика исторических источников и их эволюции в хронологических рамках указанных этапов обусловила необходимость объединения материалов глав 1—6 и 7—11 в отдельные разделы.

В основу данного пособия положены материалы лекционного курса «Источниковедение отечественной истории» и практических занятий со студентами, прошедшие многолетнюю апробацию в учебном процессе на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова.

Читатель найдет в книге систематический обзор важнейших комплексов письменных источников по истории России X—начала XXI в.; проследит эволюцию этих источников; ознакомится с приемами выявления, обработки и анализа зафиксированной в источниках информации.

¹ Под тем же названием в 2004 г. авторский коллектив учебника опубликовал в издательстве «РОССПЭН» коллективную монографию.

Раздел I. Источники X — первой половины XIX в.

Глава 1

ЛЕТОПИСИ

1.1. Общая характеристика

Потребность людей сохранить для потомков информацию о выдающихся современниках и необычных событиях, свидетелями которых они были, зародилась в глубокой древности. В дописменный период такая информация передавалась от поколения к поколению в виде преданий о родоначальниках, героях, победах в сражениях с врагами и т. д.

Образование Древнерусского государства и принятие христианства изменили содержание информации, которая передавалась потомкам. Теперь создавались сказания о русских князьях и их деяниях, первых христианах и святых, строительстве храмов, основании монастырей и т. д.

Новые исторические условия способствовали распространению на Руси более совершенной системы фиксации и сохранения информации — кириллической письменности. Вместе с тем появление письменности не привело к уничтожению устной формы освоения реальности и сохранения о ней информации, поэтому и позднее в народной среде создавались произведения разнообразных фольклорных жанров.

Более того, устная и письменная формы фиксации событий взаимодействовали. Легенды, имеющие устное происхождение, например легенды о княгине Ольге, находили место на страницах пергаменной летописи.

Представители государственной власти использовали письменность в своих интересах, в частности, для накопления сведений о своей деятельности и освещения ее на страницах разнообразных текстов под определенным углом зрения.

Текстом, специфическим по форме, стилю изложения и отбору событий для письменной фиксации, была летопись. Заказчиками летописных текстов могли быть князья и церковные иерархи. Центры, в которых велись летописные записи, охватывавшие короткий период, а затем создавались крупные летописные сочинения, располагались на княжеских дворах, епископских и митрополичьих кафедрах, в приходских церквях и монастырях.

Название этого вида исторических источников отражает их самую характерную черту — запись событий по годам их совершения. Таким образом, *летопись* — это повествование о разнообразных событиях, объединенных внешней погодной сеткой. Структурной единицей летописи является погодная статья, начинающаяся с оборота «В лето...», т. е. «В год...».

Приведем несколько погодных записей из «Повести временных лет» — летописного свода начала XII в. Они показывают, что наряду с русскими известиями в летописи вносились сообщения о событиях, имевших место в Византии и в славянских государствах. Эти известия черпались русскими летописцами из иностранных источников:

«В лето 6421 (913 г.). Поча княжити Игорь по Олзе. В се же время поча царствовати Костянтинь, сынъ Леонтовъ. И деревляне затворишася от Игоря по Олгове смерти.

В лето 6422 (914 г.). Иде Игорь на деревляны, и победивъ а, и возложи на ня дань болши Олговы. В то же лето прииде Семионъ Болгарьскый на Царьград, и сотворивъ миръ и прииде восвоаси.

В лето 6423 (915 г.). Приидоша печенежи первое на Рускую землю, и сотворивше миръ со Игорем, и приидоша к Дунаю. В си же времена прииде Семионъ пленяя Фракию, греки же послаша по печенеги. Печенегом пришедшим и хотящимъ на Семеона, расварившеся греческыя воеводы...»¹.

Для летописного сочинения типичной является погодная запись, каждое известие (а их может быть от одного и более) которой имеет точную временную привязку — указание на число и месяц, иногда день недели, время суток и т. д. Такая хронологическая подробность свидетельствует о письменной природе информации, которую использовал составитель летописного сочинения. Более того, можно говорить, что эта информация взята летописцем или из собственных предварительных записей, или из летописей, созданных его предшественниками. В тексте такой погодной записи отсутствует единый стержень повествования, она открыта для дополнения другими известиями. Подобного рода записи называются *дискретными (прерывающимися)*, или *событийно-перечневыми*.

Приведем пример дискретной записи из «Повести временных лет»:

«В лето 6617 (1109 г.). Преставися Евпракси, дщи Всеволожа, месяца иулия въ 10 день, и положена бысть в Печерском монастыре у дверей, яже ко угу. И зделаша над нею божонку, иде же лежит тело ея. В то же лето, месяца декабря въ 2 день, Дмитръ Иворовичъ взя веже половечские у Дону»².

¹ Повесть временных лет. — СПб., 1996. — С. 21.

² Там же. — С. 120.

Сведения о других событиях одного года, не внесенные в какую-то летопись, можно было внести в дискретную запись позднее, не разрушая структуры записи, особенно в том случае, если новые известия сохранились в составе такой же дискретной погодной записи другого летописного текста.

Вместе с тем иногда, рассказывая о многих событиях, погодная запись раскрывала одну сквозную тему. Такая запись называется *монотематической*. В ней под одним годом соединялись события, совершившиеся в разные годы. Примером такого текста является погодная запись 996 (6504) г. из «Повести временных лет». Все известия здесь объединены личностью киевского князя Владимира Святославича, о деятельности которого в разные годы и рассказывает погодная статья. В начале статьи сообщено об участии Владимира в освящении киевской Десятинной церкви и даровании ей десятины. В других источниках это освящение датируется 995 г. Затем в статье повествуется о битве Владимира с печенегами под Василевым, о строительстве церкви по случаю спасения князя и о начале знаменитых киевских пиров Владимира. Например, рассказывая о первом киевском пире на Успение, летописец заметил, что «так о вся лета творяше». Следовательно, он знал и о последующих ежегодных успенских пирах.

Далее в погодной записи 996 г. замечено о добрососедских отношениях Владимира с королем чешским Андрихом (1012—1037), королем польским Болеславом I Храбрым (992—1025) и королем венгерским Стефаном I (997—1038). Годы правления Андриха Чешского красноречиво свидетельствуют о том, что погодная запись 996 г. соединила известия о событиях разных лет, следовательно, сама запись в дошедшем до нас виде не может быть отнесена к 996 г. Последний сюжет погодной записи 996 г. кратко сообщает о судебной реформе, которую провел Владимир, но от которой впоследствии отказался. Характерно то, что приведенные события не имеют абсолютных дат, только несколько известий датированы праздниками церковного календаря (Преображение Господне — 6 августа по ст. ст., Успение Богородицы — 15 августа по ст. ст.).

Поздние летописи также имеют погодные статьи, в которых объединена информация за несколько лет. Так, в Троицкой летописи начала XV в. под 1321 г. читаем: «На ту же зиму (6829 г. — Т. К.) князь великий Юрьи Даниловичъ поеха въ Новъгородъ Великий, оттоле и въ Орду пошелъ на четвертое лето, а шель на великую Пермь»¹. Еще более красноречива в этом плане запись в Троицкой летописи под 1328 г., где сразу за сообщением о восше-

¹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. — М.; Л., 1950. — С. 357.

ствии московского князя Ивана Даниловича на великое княжеское автор подчеркивает, что последующие 40 лет его правления были мирными: «В лето 6836 (1328 г.) седе князь великий Иванъ Даниловичъ на великомъ княжении всеа Русии, и бысть оттоле тишина велика на 40 летъ и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христианъ, и отдохнуша и починуша христиане отъ великия истомы и многыа тягости, от насилия татарскаго, и бысть оттоле тишина велика по всеи земли»¹. Из содержания записи видно, что она сделана не в том году, когда состоялось восшествие на престол, а гораздо позже.

Для летописания XI—XV вв. такое объединение в погодной записи событий разных лет свидетельствует, как правило, об устной природе сведений, использованных летописцем, а также об отсутствии письменной практики ведения точных погодных записей на каком-то отрезке времени в каком-либо центре. В то же время подобного рода записи в летописных сочинениях XVI—XVII вв. зачастую имели другую природу. Они были результатом изменения подхода летописцев к обработке используемого материала, в том числе и летописных текстов своих предшественников, стремления к более подробному освещению отдельных событий, влияния на принципы работы летописцев иных форм исторических произведений и т. д.

Работа летописца. В источниковедении термин «летопись» обозначает не только историческое повествование с особой структурой, но и летописный текст, дошедший до нас в оригинале или списке.

Летописи содержат чрезвычайно важную информацию для изучения средневековой отечественной истории, поэтому ученые уделяют этому виду исторических источников много внимания. Анализ каждого из дошедших до нашего времени летописного сочинения (летописи) выявил его сложную природу, а также позволил воссоздать масштабную картину развития русского летописания в целом.

Многие летописи охватывают события, совершившиеся на продолжительном отрезке исторического времени (с библейских времен и на протяжении многих столетий отечественной истории). К примеру, Лаврентьевская летопись начинается с библейского рассказа о расселении народов после Всемирного потопа и завершается рассказом о пожаре 1305 г. в городе Владимире. Естественно предположить, что ее погодные записи сделаны авторами, принадлежавшими к разным поколениям, а сама сохранившаяся летопись, включающая эти записи, представляет собой компиляцию ранее созданных, по преимуществу летописных, произведений. Поэтому поиск следов использованных для компиляции ле-

¹ Там же. — С. 359.

тописных сочинений является одной из важнейших источниково-ведческих задач.

Разновременные текстовые слои в дошедших до нас летописях, гипотетически восстанавливаемые учеными как принадлежащие разным авторам, называются *летописными сводами*. Сводный характер русских летописей выявил в первые десятилетия XIX в. П. М. Строев (1796—1876).

Впоследствии многие отечественные ученые подтвердили и развили наблюдения о сводном характере летописей. Выдающееся место в источникововедении летописания, в частности в разработке методики выявления летописных сводов и приложении ее к конкретным летописным текстам, занимают научные труды А. А. Шахматова (1864—1920).

Почти все известные сегодня летописные тексты состоят из хронологических звеньев — гипотетических летописных сводов. Каждое летописное звено в свою очередь также является сводом, так как его автор использовал разнообразные источники информации: письменные и устные источники, личные наблюдения.

История летописания — это история взаимоотношения сводов, следы которых обнаруживаются в поздних компиляциях. Заполняя лакуны, вызванные утратой в силу разных причин значительного количества летописей, летописные своды позволяют дать более полную картину русского летописания XI—XV вв.

Человека, который создал летописный текст, называют *летописцем*. Его мировоззрение, как, впрочем, и других людей Средневековья, отличалось провиденциализмом. Летописец рассматривал природу событий через призму религиозного сознания, считая их первопричиной Бога и объясняя связь событий только божественной волей. Такое представление о происхождении явлений окружающего мира определяло и своеобразие структуры погодных статей, носивших дискретный характер. В них летописец выносил на первый план хронологические связи событий, которые были predeterminedены, по мнению авторов записей, божественной волей.

Компилятивная природа летописей определила ключевое значение в источникововедении вопроса о работе их составителей.

Получив заказ на летопись, ее автор прежде всего искал и отбирал ранее созданные летописные и литературные сочинения, накапливал устные данные о тех событиях, которые интересовали как его, так и заказчика. Затем летописец на основе собранного материала составлял новый летописный текст. Летописные компиляции отличаются от компиляций других жанров тем, что они «не просто соединяют различные произведения, а соединяют их под каждой годовой статьей отдельно. Текст летописи входит в текст другой летописи “гребенкой”: каждая годовая статья пред-

ставляет собой маленькую самостоятельную компиляцию...»¹. Таким образом в новом тексте «растворились» известия более ранних летописных сочинений.

Летописцы могли не только переработать летописные сочинения предшественников, но и хронологически удлинить новый текст, продолжив его своими погодными записями.

Текст предшественника мог подвергаться осознанной переработке, которая существенно меняла описания событий, оценку поступков людей и т. д. В этом случае принято говорить о *редакции (изводе)* летописи или летописного свода. Такие редакции выявляются путем сравнительного анализа схожих летописей.

Иногда летописец только переписывал текст своего предшественника. Такую копию принято называть *списком* летописи. Список, как правило, не был точной копией оригинала. Дело в том, что особенности процесса копирования текста (прочтение отрывка оригинала для его запоминания, внутренний диктант при воспроизведении фрагмента на письме) порождали перестановки слов, замену некоторых слов синонимами, малопонятных слов — более понятными, утраты фрагментов предложений и т. д.

Ярким примером осознанной правки летописного текста является следующая погодная запись 1332 (6840) г. в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов:

Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список)

«Того же лета великий князь Иванъ (Калита. — Т. К.) приде изъ Орды и възверже гневъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра за камьского, и в томъ взя Торжекъ и Бежичьскый верхъ за новгородскую измену»² (выделено Т. К.).

Новгородская первая летопись младшего извода

«Того же лета великий князь Иванъ (Калита. — Т. К.) прииде из Орды и възверже гневъ на Новгород, прося у нихъ серебра за камьское, и въ томъ взя Торжокъ и Бежичькый верхъ *чересь крестное целование*»³ (выделено Т. К.).

Во всех списках Новгородской первой летописи младшего извода в адрес московского князя читается обвинение в нарушении договора («крестного целования»), выдвинутое новгородцами. В Синодальном списке Новгородской первой летописи старшего извода было такое же чтение, и его следует считать изначальным. Однако в пергаменном Синодальном списке слова «чересь крестное целование» выскоблены и вместо них написа-

¹ Лихачев Д. С. (при участии Алексеева А. А. и Боброва А. Г.). Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). — СПб., 2001. — С. 355.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — С. 99.

³ Там же. — С. 344.

ны другие — «за новгородскую измену». Способ, каким было сделано исправление, указывает на позднее происхождение правки текста. Ее сделал, скорее всего, москвич, в руках которого оказался данный список летописи. Политический смысл переделки текста очевиден — редактор хотел обвинить новгородцев в измене.

Существование редакций свидетельствует о том, что летописи были не только способом накопления определенной информации, но и средством политической борьбы. Приспосабливая ранее созданный текст к новым историческим условиям, летописец таким способом выражал интересы заказчиков или свои собственные интересы.

Кроме крупномасштабных летописей создавались и небольшие по охвату хронологии, событий и территории произведения. Их условно называют *летописцами*. Подобные летописцы существовали, по-видимому, на всех этапах истории русского летописания, однако самостоятельные сохранившиеся реальные их тексты датируются только XVI—XVII вв. Например, «Летописец Бельский» фиксировал известия с 1598 г. до конца 60-х гг. XVII в., и его автор проявил интерес к событиям, происходившим в западных уездах, особенно в Бельском. Учитывая это географическое пристрастие автора, ученые и дали наименование источнику. В XVII в. был составлен «Летописец о Нижнем Новеграде, в коих годах заложен, и при коем великом князе», содержащий подборку известий о Нижнем Новгороде и его земле за XIII, XIV и XVI вв.

Система именовании летописей. Каждая сохранившаяся летопись имеет свое имя, которое призвано подчеркнуть ее индивидуальность, поскольку двух совершенно идентичных летописных текстов не существует. Система названий складывалась в науке постепенно на протяжении XVIII—XX вв.

Для наименования ряда летописных текстов сохранено их самоназвание. Например, Новый летописец — это краткий вариант самоназвания летописи XVII в. «Книга глаголемая Новый летописец». Если у летописи не было самоназвания, ей давали имя в связи с различными обстоятельствами. Часто летопись называли по месту ее нахождения и хранения. Так, Ипатьевская летопись (список XV в.) была найдена в костромском Ипатьевском монастыре, Троицкая летопись (XIV в.) — в библиотеке духовной семинарии Троице-Сергиевой лавры, Воскресенская летопись (XVI в.) — в Новоиерусалимском Воскресенском монастыре и т.д. В названиях летописей использовались также имена некоторых их бывших владельцев: в XVII в. Радзивилловская летопись (список XV в.) принадлежала польско-литовским магнатам Радзивиллам, а Симеоновская (конец XV в.) — книжному справщику Московского Печатного двора Никифору Симеонову, жившему в XVII в.

В других названиях сохранились имена лиц, причастных к созданию летописей или их списков. По имени монаха Лаврентия, который в 1377 г. «написал» летопись по повелению великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича, названа Лаврентьевская летопись. Летописный сборник, составленный или переписанный в 1495 г. в Смоленске Авраамкой по повелению смоленского епископа, именуется «Летописью Авраамки», упомянувшего себя в приписке к тексту.

В названии летописи ее индивидуальность подчеркивалась также привязкой к месту ее создания. Если в каком-то месте было создано много летописей, то им давали порядковые номера, которые должны были показывать последовательность возникновения летописей. Такой принцип наименований использовался для обозначения северо-западных летописей — новгородских и псковских: например, Новгородская первая (вторая, третья, четвертая, пятая) летопись и т.д. Однако порядковые номера летописей не всегда отражают реальную хронологическую последовательность их происхождения. Так, Новгородская четвертая летопись датируется XV в. и представляет собой более старшее сочинение, нежели Новгородская вторая летопись, возникшая в XVI в. Неточность в нумерации объясняется тем, что в XIX в., когда давались наименования, еще не все летописи были обнаружены, изучены и включены в систему сохранившихся и реконструируемых летописных текстов.

Имена получали не только дошедшие до нашего времени летописи, но и гипотетические летописные своды: например, «Повесть временных лет» (начало XII в.), Новгородско-Софийский свод (1448), Московский великокняжеский летописный свод (1479) и т.д.

1.2. Эволюция русских летописей

1.2.1. Летописание периода Киевской Руси (X — начало XII в.)

В истории русского летописания принято выделять три крупных этапа: летописание Киевской Руси, летописание периода феодальной раздробленности и летописание единого Российского государства. Летописание каждого из этих этапов имело свои особенности, отразившиеся в форме и содержании исторического источника, способах его создания, политической направленности.

Летописание Киевской Руси не представлено реально дошедшими до нас самостоятельными, завершенными летописными тек-

стами. Его следы сохранились в более поздних летописях, поэтому многие вопросы начального этапа отечественного летописания являются спорными.

Особенностью этого периода летописания можно считать становление погодной сетки летописного повествования. Мы не знаем, какую форму имели самые первые летописные тексты. Есть основания предполагать, что погодная форма записи не была единственной и появилась не сразу. Начало традиции записывать события под конкретными абсолютными датами исследователи относят к 70-м гг. XI в. и связывают ее с летописной деятельностью киево-печерского игумена Никона. Идея погодных статей могла возникнуть под влиянием календарных таблиц, которые встречаются в богослужебных книгах. В XIX в. были обнаружены книги, в которых одновременно присутствуют и лапидарное упоминание события, соотнесенное с датой таблицы, и развернутая летописная погодная запись о том же событии, помещенная вне рамок таблицы. Календарные таблицы, используемые православной церковью, возможно, закрепляли практику точной фиксации событий.

В то же время существовала и другая система записи событий. В ней датировка основывалась на относительной временной шкале, т. е. новые события датировались относительно уже совершившихся: «по мнозех же времянех...», «по сих же летех...», «по двою же лету...».

Пример такой датировки — Галицко-Волынский свод XIII в., находящийся в составе Ипатьевской летописи (XV в.). По мнению исследователей, первоначально текст этого свода не имел точных дат. Позднее, когда его соединяли с Киевским сводом 1200 г., в котором текст разбит на года, относительные датировки перевели в абсолютные, но сделали это с ошибкой: события, произошедшие в Галицко-Волынском княжестве с начала XIII в., сдвинуты назад на четыре года. Таким образом, ошибка показывает, что изначально Галицко-Волынский свод не имел погодной сетки. Придавая единообразие новому тексту, сводчик сразу за Киевским сводом, оканчивавшимся погодной записью 1200 г., поместил в записи 1201 г. галицко-волынские события, хотя на самом деле первые события, передаваемые Галицко-Волынским сводом, происходили в 1205 г.

Сложным является вопрос об исходной точке древнерусского летописания, его первоначальном содержании и форме. Некоторые дореволюционные исследователи считали Нестора первым русским летописцем, а созданную им в 1113 г. «Повесть временных лет» — первым летописным сочинением. Однако в отечественной историографии истоки летописного дела на Руси постепенно отодвигались на более раннее время. Проведя анализ многих летописей, Шахматов предположил, что первый рус-

ский летописный текст был создан около 1039 г. в Киеве при только что открывшейся русской митрополичьей кафедре. Этот гипотетический текст ученый назвал Древнейшим летописным сводом.

Позднее ряд советских исследователей, опираясь на данные различных письменных источников, предположили, что летописание появилось в конце IX в. Так, Л. В. Черепнин (1905—1977) считал исходной точкой русского летописания 996 г., когда по случаю выдачи Владимиром Святославичем десятины киевской церкви была составлена летопись. По мнению историка, она включала повести о полянах-русах. Для реконструкции свода 996 г. Черепнин использовал «Память и похвалу князю Владимиру» монаха Киево-Печерского монастыря Иакова. М. Н. Тихомиров (1893—1965) также относил начало летописания к концу X в. — началу XI в. Согласно реконструкции этого ученого, летописание началось с создания трех сказаний: «Сказания о начале Руси», «Сказания о призвании варягов» и «Сказания о русских князьях». Тихомиров высказал мнение о том, что летописание зарождалось и в Киеве, и Новгороде. Б. А. Рыбаков (1908—2001) датировал первый русский свод, созданный в Киеве и освещавший деятельность князя Владимира и его предшественников, 996—997 гг. По реконструкции ученого, этот свод представлял собой переработку разнообразных источников: эпизодических записей, эпических сказаний, Белгородской летописи — памятника, появившегося при дворе местного епископа, и др. Д. С. Лихачев (1906—1999) предполагал, что истоки летописания, возникшего в 40-х гг. XI в., лежат в синтезе устных преданий и литературно-исторического произведения, условно названного им «Сказание о распространении христианства».

В период существования Древнерусского государства летописание велось в самых крупных городах — в Киеве и Новгороде.

По сохранившимся поздним летописям наиболее полно можно восстановить киевское летописание, которое не ограничивалось киевскими событиями и регистрировало многие события, происходившие на всей территории тогдашнего государства. Таким образом, киевское летописание XI — начала XII в. можно определить как общерусское.

Крупнейшим летописным сочинением, созданным в период Киевской Руси, является «Повесть временных лет». Самоназвание летописи — «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть». В таком варианте оно приведено в начале Лаврентьевской и близких к ней Троицкой, Радзивилловской и Московско-Академической летописях.

Автор «Повести временных лет» определяется на основе второй группы летописных списков (Ипатьевского, Хлебниковско-

го, Ермолаевского и др.), в которых самоназвание сочинения дополнено указанием на автора — черноризца, т. е. монаха Киево-Печерского монастыря. Но его имя — Нестор — сохранилось только в Хлебниковском списке.

Окончание «Повести временных лет» в составе поздних летописей определяется условно, поскольку четкой границы между ней и последующими сводами нет. Ориентиром в поиске границы несторовского текста служит первая в «Повести временных лет» погодная запись — 852 (6360) г., в которой приведен расчет лет от сотворения мира до кончины киевского князя Святополка, умершего в 1113 г. Следовательно, автор этой хронологической выкладки знал о смерти князя и работал над своей летописью, скорее всего, в 1113 г. или чуть позже.

Спустя непродолжительное время авторский текст «Повести временных лет» был переработан. Различные варианты переработки текста представлены сегодня в двух редакциях, сохранившихся прежде всего в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Авторский текст Нестора не сохранился, и его следы ученые пытаются найти в двух последующих редакциях.

Исследования XX в., особенно работы Шахматова, доказали, что Нестор использовал более ранние летописные тексты. Ученому удалось наметить несколько рубежей в летописании XI в.

Ближайшим по времени к «Повести временных лет» сводом, который был установлен Шахматовым, является так называемый Начальный свод 1093—1096 гг. Его следы были обнаружены при сопоставлении «Повести временных лет», представленной в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, с начальной частью Новгородской первой летописи младшего извода. Последняя летопись имеет небольшое предисловие, которое могло быть создано в Киеве, а не в Новгороде. В начальном своде повествуется о том, почему Киев получил такое название, описывается город, расположенный на горах (таким городом мог быть Киев, а не Новгород), высказывается недовольство алчностью князей, за которую Бог наказал Русскую землю нашествием «поганых» (до Новгорода, как известно, половцы не доходили). Содержание предисловия позволило высказать предположение о киевском происхождении и того летописного текста, который следовал за этим введением.

В погодных записях конца XI в., читаемых в «Повести временных лет», Шахматов нашел некоторые тематические параллели с текстом предисловия новгородской летописи. Это, с одной стороны, развернутые рассуждения летописца «Повести временных лет» о нашествии половцев как наказании Божьем за неразумные действия князей и его дружины, а с другой — обобщенные критические высказывания предисловия в адрес князя и его дружины, алчность которых привела к нашествию «поганых». Наиболее эмо-

ционально о нашествии половцев, его причинах и разрушительных последствиях для киевлян, прежде всего монахов Киево-Печерского монастыря, рассказывается в «Повести временных лет» в погодных статьях за 1093—1096 гг. Именно этим временем Шахматов датировал создание того киевского летописного сочинения, которому принадлежало предисловие новгородской летописи и которое было использовано новгородским летописцем. Местом составления этого текста был назван Киево-Печерский монастырь.

Сравнение Новгородской первой летописи младшего извода и «Повести временных лет» показывает, что текст первой летописи более исправен, чем второй. Неисправность ряда мест в «Повести временных лет» усматривается в избыточности сведений о некоторых событиях, что иногда нарушает логику повествования о развитии событий. Эти нарушения свидетельствуют о переработке общего для обоих произведений текста разными летописцами, имевшими различные задачи и источники. Ближайший по тексту оригинал одного или нескольких списков принято называть *протографом*.

Для «Повести временных лет» (в Лаврентьевском, Ипатьевском и других списках) и Новгородской первой летописи младшего извода протографом является киевский свод, который определен Шахматовым и назван им Начальным летописным сводом 1093—1096 гг. Ученый не атрибутировал его, т.е. не связал создание текста с каким-либо конкретным лицом. Однако позднее М.Д. Приселков (1881—1941) выдвинул гипотезу о том, что составителем свода был игумен Киево-Печерского монастыря Иоанн.

Текст протографа менее переработан в Новгородской первой летописи младшего извода. Включения дополнительной информации в «Повесть временных лет», приведшие к нарушению логики первоначальных рассказов об описываемых событиях, свидетельствуют о значительной переработке Нестором Начального летописного свода.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях избыточный по отношению к исходному текст обнаруживается, например, в повествовании о мести княгини Ольги древлянам за смерть мужа — князя Игоря (946 г.). По всей видимости, в протографе «Повести временных лет» рассказывалось о трех случаях мести: во-первых, погребении заживо в яме послов древлянского князя Мала, прибывших в Киев к Ольге для сватовства; во-вторых, сожжении в Киеве второго древлянского посольства; в-третьих, уничтожении древлян после тризны по Игорю в их же земле. Об этих способах мести Ольги читается и в Новгородской первой летописи. Но в «Повести временных лет» есть рассказ о четвертой мести, который отсутствует в новгородском тексте:

«В лето 6454 (946 г.). Олга съ сыномъ своимъ Святославомъ събра вои многы и храбры, иде на Деревъскую землю <...> И победиша Древляны; и возложиша на них дань тяжку; и две части дани Киеву идет, а третьяя Вышегороду ко Олзе: бе бо Вышегород Олгинъ град»¹.

«В лето 6454 (946 г.). Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Дервьську землю <...> И победиша деревляны. Деревляне же побегоша и затворишася въ градехъ своих. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень град, яко тее бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ, а деревляне затворишася въ граде, и боряхуся крепко изъ града, ведеху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лето, и не можаше взяти града, и умысли сице (далее следует рассказ о четвертой мести княгини — поджоге города Искоростеня с помощью голубей. — Т.К.). И побегоша людье изъ града, и повеле Ольга воемъ своимъ имати а, яко взя градъ и пожьже и; старейшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работе предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань.

И възложиша на ня дань тяжку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Олзе; бе бо Вышегородъ градъ Вользинь...»².

На примере фрагмента погодной статьи 946 г., взятой из «Повести временных лет», видно, как неумело летописцы обрабатывали тексты своих предшественников, желая внести дополнительные известия. Автор разорвал предложение, читавшееся в его источнике, и вставил легенду. Более логичным является текст той же статьи в Новгородской первой летописи младшего извода, который, следовательно, лучше отражает текст протографа.

Составитель Начального летописного свода в свою очередь опирался на еще более ранний свод, который датируют началом 70-х гг. XI в.

Автором свода многие исследователи, начиная с Шахматова, считают игумена Киево-Печерского монастыря Никона. Некоторые известные сегодня факты из его жизни свидетельствуют о том, что он мог иметь отношение к киевскому летописанию. Так, Никон был в Тмутаракани, и в летописи в записях 60-х гг. XI в. довольно подробно для того уровня летописания изложены тмутараканские события.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... — С. 112—113.

² Повесть временных лет... — С. 28—29.

По мнению Шахматова, свод Никона был дополнен записями событий до 1093 г. включительно и лег в основу Начального летописного свода.

Особенностью свода 70-х гг. XI в. было появление в нем ряда точно датированных светских событий, что указывало на существование каких-то современных записей. Первое такое событие отмечено в 1061 г.: «В лето 6569 (1061 г.). Придоша половци первое на Русьскую землю воевать; Всеволодь же изыде противу имъ, месяца февраля въ 2 день. И бившимся имъ, победиша Всеволода, и воевавшѣ отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искаль»¹. В дальнейшем количество точно датированных событий увеличивается. Возможно, Никон придал историческим записям форму погодных записей, что определило специфику данного вида исторических источников.

Следующий древнейший свод, который был реконструирован Шахматовым, датирован примерно 1039 г. Его появление, по мнению ученого, связано с открытием в Киеве митрополии, где по образцу византийских иерархов началась фиксация событий церковной и светской жизни.

Кроме перечисленных летописных сочинений, следы которых обнаруживаются в крупнейшем летописном своде Киевской Руси начала XII в., Нестором были использованы многочисленные письменные и устные источники. Письменные источники разнообразны по жанрам и месту создания (южнославянское «Сказание о начале славянской письменности», переводная греческая «Хроника Георгия Амартола», излагающая всемирную историю до 948 г., и т. д.). Известия своих предшественников Нестор дополнял легендами. Кроме четвертой мести княгини Ольги он внес в летопись исторические предания, например, о том, как юноша-кожемяка одолел печенежского богатыря, а старец спас осажденный печенегами Белгород. Летописец включал в текст устную информацию, полученную от своих современников. Так, о событиях второй половины XI в. Нестора информировал Ян Вышатиц. О смерти этого почтенного старца летописец сообщил на страницах «Повести временных лет»: «В лето 6614 (1106 г.)... В се же лето преставися Янь, старецъ добрый, живъ лет 90, в старости мастите; живъ по закону Божью, не хужий бе первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в летописаныи семь, от него же слышах. Бе бо мужь благъ, и кротокъ, и смиренъ, огребаяся всякая вещи, его же и гробъ есть въ Печерском монастыри, в притворе, идеже лежить тело его, положено месяца иуны въ 24»².

¹ Повесть временных лет... — С. 71.

² Там же. — С. 119.

Описанные выше этапы создания сводов на протяжении XI — начала XII в., реконструированные Шахматовым, в основных чертах признаются большинством ученых. Отдельные авторы предлагают пересмотреть атрибуцию некоторых из этих сводов, внести уточнения в датировки сводов и объяснить причины их появления. Выстраивая свои новые гипотезы, они тем не менее исходят из реконструкции Шахматова.

Итак, «Повесть временных лет» была летописным сочинением, завершившим первый этап русского летописания и оказавшим влияние на летописание в период феодальной раздробленности.

1.2.2. Летописание периода феодальной раздробленности (30-е гг. XII — конец XV в.)

На данном этапе отличительной чертой летописания было расширение его географии. Кроме Киева и Новгорода новые летописные центры возникли в Чернигове, Переяславле Южном и Переяславле Суздальском, Владимире Южном и Галиче Южном, Владимире на Северо-Востоке, Твери, Москве, Смоленске, Пскове и т. д. Здесь создавались разнообразные по формам и содержанию сочинения. Помимо крупных летописных произведений, охватывавших события от библейских времен до времени работы последнего летописца, стали появляться краткие родовые и личные княжеские летописцы, объектом внимания которых был ограниченный круг лиц и событий. Следы подобных летописцев обнаружены исследователями во многих поздних летописях. В условиях феодальной раздробленности содержание создаваемых летописей, как правило, отражало местные события.

Летописание различных центров изучено сегодня неравномерно, причиной этого является недостаточная источниковая база. Обрывочные свидетельства о летописании в ряде княжеств не позволяют более или менее полно восстановить и охарактеризовать своды, создававшиеся местными авторами. В центре внимания исследователей находятся киевское, новгородское, владимирское, московское, галицко-волынское летописания, следы которых обнаруживаются в летописях, созданных в XIII—XV вв.

Киевское летописание. Киевское летописание продолжалось на протяжении XII в. Оно отразилось в Ипатьевской летописи, в начальной части которой читается «Повесть временных лет» в третьей редакции. Далее летописание Киевского княжества отражено в этой летописи вплоть до 1200 г. Этим годом датируется летописный свод, составленный в киевском Выдубицком монастыре игуменом Моисеем. Последняя погодная статья свода содержит похвалу великому киевскому князю Рюрику Ростиславичу за строительство каменной стены вокруг монастыря.

При написании своего труда игумен Моисей использовал многие летописные сочинения, которые происходили из разных княжеств и следы которых сохраняются в киевском своде 1200 г. Так, начиная с 40-х гг. XII в., в нем встречаются вкрапления Галицко-Волынского свода. Источником свода 1200 г. был также Летописец князя Владимира Глебовича, сидевшего в Переяславле Южном. Текст Летописца заканчивался, по мнению ученых, рассказом о смерти этого князя в 1187 г. и был использован также в XII в. в летописании Северо-Восточной Руси. Еще одним источником киевского свода был Черниговский летописец, завершавшийся известиями о смерти в 1198 г. черниговского князя Ярослава Всеволодовича и о вступлении на черниговский стол Игоря Святославича. Он являлся семейным летописцем Святославичей, начало которому было положено еще в 40-х гг. XII в.

Среди источников свода игумена Моисея были и киевские летописи. К числу летописцев-киевлян середины XII в. относят боярина Петра Бориславича. Ему приписывается создание летописи, отражавшей деятельность потомков старшего сына Владимира Мономаха Мстислава — великих киевских князей Изяслава Мстиславича, его сына Мстислава Изяславича и внука Рюрика Ростиславича. Следы этой сильно переработанной впоследствии летописи обнаруживаются исследователями в ряде погодных записей 40—50-х гг. XII в. Ипатьевской летописи. Другим киевским источником была семейная хроника Ростиславичей, одним из составителей которой был сам игумен Моисей. Она включала известия о Рюрике и его семье, «некрологи» братьям Святославу, Мстиславу, Роману, Давыду.

Новгородское летописание. Летописание Новгородской феодальной республики сохранилось в большом числе летописей: Новгородской первой, второй, третьей, четвертой, пятой летописях, Софийской первой летописи.

Самой ранней дошедшей до нас летописью, созданной в Новгороде, является Новгородская первая летопись старшего извода. Сегодня она представлена единственным списком — Синодальным. Этот пергаменный список новгородской летописи является древнейшим и в корпусе всех дошедших до настоящего времени списков русских летописей. Ту часть Синодального списка, которая завершается погодной записью 1234 г., по палеографическим приметам исследователи относят к XIII в. Эта древнейшая летопись, к сожалению, имеет дефекты. Утрачены первые шестнадцать тетрадей рукописи, поэтому текст летописи начинается с 1016 г. Отсутствует еще одна тетрадь с событиями 1273—1299 гг. Другая часть Синодального списка датируется второй четвертью XIV в. В ней изложение событий доведено до 30-х гг. XIV в., хотя имеются дополнения (до середины XIV в.), написанные разными почерками.

К Синодальному списку близка Новгородская первая летопись младшего извода, текст которой продолжен до 40-х гг. XV в. Эта редакция представлена двумя основными списками. Академический список имеет точную дату его написания — 1444 г. — и последнюю погодную статью с датой 1443 г. Комиссионный список был создан в середине XV в., его основной текст доведен до 1439 г., а продолжение — до 1446 г. включительно — написано на другой бумаге и другим почерком.

Изучение этих и других летописей показывает, что в Новгороде они создавались в различных местах: при посадниках, епископской кафедре, монастырях, уличанских церквях. Хотя не все этапы истории новгородского летописания восстанавливаются, обращает на себя внимание большое число летописных центров, существовавших в одном городе.

Истоки новгородского летописания принято возводить к середине XI в. Шахматов реконструировал текст новгородского летописного свода 1050 г. Рыбаков внес поправку в построения Шахматова и определил, что в 1054—1060 гг. этот летописный свод в Новгороде был окончательно оформлен. Это раннее летописание ученый характеризует как посадническое, отражающее, в частности, интересы новгородского посадника Остромира.

Следующий этап новгородского летописания, выделяемый исследователями, связан с деятельностью сына Владимира Мономаха Всеволода, княжившего в Новгороде с 1118 по 1136 г. Он стал инициатором летописного свода, в котором соединились, скорее всего, местная летопись, погодные записи которой составлялись еще в XI в., и «Повесть временных лет», созданная в Киеве при Владимире Мономахе. Работа над новой новгородской летописью могла идти между 1119 и 1136 гг.

После событий 1136 г., когда Всеволод был изгнан новгородцами, в городе изменилось соотношение власти князя и епископа. Новая политическая ситуация повлияла на характер местного летописания. Под руководством новгородского епископа Нифонта был создан летописный свод, который предположительно датируется 1136 г. К работе над пересмотром свода князя Всеволода и составлением нового свода был привлечен Кирик — монах, диакон и domestik (т.е. главный в одном из двух церковных хоров) Антониева монастыря, приближенный Нифонта. Следы работы Кирика исследователи обнаруживают в статьях 1136, 1137 гг. и ряде других, отмеченных в Новгородской первой летописи. В них затронуты темы, которые присутствуют в нелетописных сочинениях Кирика — «Учении им же ведати человеку числа всех лет», «Вопрошаниях Кирика, иже восприси епископа Нифонта и инех».

Смысл переработки свода состоял, по-видимому, в том, чтобы исключить его княжескую направленность. Для этого необходимо было заменить текст киевской «Повести временных лет» в про-

номашьей редакции другим текстом, оппозиционным к княжеской власти. Из ранее созданных летописных текстов такой характер имел киевский Начальный свод 1093—1096 гг. В результате произведенной замены в новгородской летописи сохранились фрагменты утраченного киевского летописного сочинения конца XI в.

В дальнейшем свод 1136 г. был положен в основу архиепископских сводов, составители которых использовали собственные записи событий и сочинения других авторов и городских летописных центров. Косвенное подтверждение такого включения в архиепископские своды текстов, происходивших из иных центров, обнаруживается в Новгородской первой летописи старшего извода под датами 1144 (6652) г. и 1188 (6696) г. В первой погодной записи безымянный летописец сообщает об одном из фактов своей жизни: «Въ то же лето постави мя попомъ архепископъ святыи Нифонтъ»¹. В статью 1188 г. занесена запись о смерти «Германа, иерея святого Якова, зовемого Воята», который прослужил в церкви «польпятадъсять летъ»², т. е. 45 лет. Исследователи отождествляют безымянного попа-летописца с Германом Воятой. Это отождествление опирается на срок, в течение которого служил в церкви святого Иакова умерший иерей, начавший свою службу в 1143 или 1144 г. Следовательно, летописание велось и в церкви на Неревском конце.

Историографы называют имя еще одного летописца этой же церкви. В Синодальном списке Новгородской первой летописи старшего извода один из двух почерков отождествляется с почерком пономаря Тимофея, служившего в церкви святого Иакова. В 1282 г. он переписал «Пролог» (древнерусский житийный сборник) для церкви Нерукотворного Образа. Если это отождествление правильно, то можно сказать, что на протяжении длительного времени церковь святого Иакова была летописным центром.

Важнейшее звено новгородского епископского летописания обнаруживается при анализе двух летописей, созданных в XV в., — Новгородской четвертой летописи и Софийской первой летописи. Их внимательное изучение начал Шахматов. Сопоставление летописей показало, что повествование в них совпадает до 1418 г. Общий источник, т. е. протограф, Новгородской четвертой и Софийской первой летописей был доведен, согласно реконструкции Шахматова, до 1448 г. Эту дату ученый выводил из погодной записи 1380 г., присутствующей в обеих летописях: «В лето 6888 (1380 г.) ...А Благовещение бысть в Великъ день, а перво сего бысть за 80 лет и за 4, а потом боудеть за 80 лет без лета, а потомъ за 11 лет»³. Празднование Благовещения и Пасхи, действительно, совпадало в 1296, 1380 и 1459 гг. Когда же работал летописец, который при-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... — С. 27.

² Там же. — С. 39.

³ Полное собрание русских летописей. — М., 2001. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 454.

писал к хронологическому расчету слова «а потомъ за 11 летъ»? Из трех указанных дат Шахматов выбрал 1448 г. Не ранее этого года был составлен протограф Новгородской четвертой летописи и Софийской первой летописи, который был назван Новгородско-Софийским сводом.

Ученый считал, что свод 1448 г. носил общерусский характер, хотя и был составлен в Новгороде путем соединения местной новгородской летописи с общерусским летописным сводом.

Сопоставление свода 1448 г. с Новгородской первой летописью младшего извода позволило восстановить еще один новгородский свод, названный Шахматовым Софийским временником. Он был доведен до 1421 г. Его составителем, по мнению ученого, был Матвей Михайлов, включивший в текст известия из своей жизни (о своем рождении — 1375 г.; смерти отца — 1382 г.; смерти матери — 1405 г.; своем браке — 1406 г.; рождении сына — 1411 г.). Шахматов отождествил Матвея Михайлова с уставщиком новгородского владычного двора Матвеем Кусовым, чье имя дошло до нас в нескольких внелетописных записях, восходящих к первой четверти XV в. Если идентификация верна, то составленный Матвеем Михайловым Кусовым свод имеет непосредственную связь с владычным летописанием. Следовательно, летописание при новгородском епископском дворе велось без перерывов, но время от времени оно подвергалось обработке. Новейшее исследование Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода, проведенное А. А. Гиппиусом, предлагает новый взгляд на происхождение списка и подтверждает непрерывность владычного летописания в Новгороде на протяжении XII—XV вв.

Другим источником, соединенным в 1448 г. с новгородским сводом 1421 г., по мнению Шахматова, был свод общерусского характера, названный исследователем «Владимирским полихронном митрополита Фотия» 1421 г. Это сочинение ученый восстанавливал, сопоставляя не реально сохранившиеся летописи, а реконструированные своды. Подобная реконструкция повышает степень предположительности вывода о реальном существовании такого сочинения. Хотя этот общерусский свод, согласно Шахматову, сильно сокращался летописцем-новгородцем, из него были заимствованы обширные повести и сказания: о Куликовской битве (1380 г.), о Московском взятии от Тохтамыша (1382 г.), о тверском владыке Арсении (1409 г.). Еще одним источником свода 1448 г., по реконструкции ученого, был Ростовский летописный свод в редакции, доведенной до 1418 г.

В настоящее время предложенная Шахматовым схема соотношения летописных сводов в Новгородской четвертой летописи поставлена рядом исследователей под сомнение. Прежде всего они не согласны с новгородским происхождением свода 1448 г. и отрицают существование «Владимирского полихрона».

Новгородская четвертая летопись (в списке Дубровского) возникла в XVI в., когда Новгород потерял свою независимость. Свое название летопись получила в связи с тем, что ее основным источником была Новгородская четвертая летопись. Она содержит новгородский свод 1539 г., составленный предположительно по инициативе новгородского архиепископа Макария (с 1542 г. — митрополит Московский и всея Руси), а также следы какого-то московского общерусского (великокняжеского) летописания.

В памятнике летописания XVI в. — Новгородской второй летописи — обнаруживаются свидетельства о летописании в новгородском Лисицком монастыре. Новгородская вторая летопись представляет собой сокращенное извлечение из различных новгородских летописей, в том числе Лисицкого летописца, который упоминается в погодных статьях 1450 и 1572 гг.

Владими́ро-Сузда́льское летописание. Некоторые летописные своды Северо-Восточной Руси реконструируются на основе сопоставления содержания Радзивилловской, Московско-Академической, Лаврентьевской летописей, а также «Летописца Переяславля Суздальского».

Радзивилловская летопись представлена сегодня двумя списками. Ранний список датируется концом XV в. Его содержание иллюстрируют более чем 600 миниатюр. Второй список был снят с этого иллюстрированного списка, принадлежавшего в XVII в. Радзивиллам, в начале XVIII в. по поручению Петра I в Кенигсберге. Последняя погодная запись в летописи — статья о событиях 1205 г.

До 1205 г. включительно с Радзивилловской сходна Московско-Академическая летопись. В отличие от Радзивилловской летописи она имеет продолжение до 1419 г. После 1205 г. текст Московско-Академической летописи состоит из двух частей разного происхождения: первая часть — 1206—1238 гг., вторая часть — 1238—1419 гг. Примечательно, что последняя часть наиболее самостоятельна и не имеет совпадений с другими известными сегодня летописями. По-видимому, здесь отразился какой-то независимый от великокняжеского московского летописания свод, возможно, владычный Ростовский.

Еще одним летописным сочинением, привлекаемым для реконструкции ранних этапов летописания на Северо-Востоке, является «Летописец Переяславля Суздальского» (XV в.). Самоназвание этого текста — «Летописец русских царей». На хронологическом отрезке с 1138 по 1205 г. изложение событий в «Летописце» сходно с повествованием Радзивилловской летописи. Главное отличие «Летописца Переяславля Суздальского» от Радзивилловской и Московско-Академической летописей в том, что его текст имеет продолжение до 1214 г. включительно.

Результаты сопоставления этих трех летописей привело Шахматова к заключению, что в их основе лежал Переяславский свод

1214 г., к которому, возможно, восходят и иллюстрации Радзивилловской летописи. В Радзивилловской и Московско-Академической летописях окончания этого свода нет.

В начальной части каждой из трех летописей содержится киевский свод начала XII в. — «Повесть временных лет» в редакции 1116 г. После него в летописях читаются только южнорусские известия, которые затем перемежаются с северо-восточными известиями. Непрерывный поток северо-восточных известий начинается с 1157 г., южнорусские обрываются на 1175 г. В дальнейшем южнорусские события приведены только в погодных записях 1185, 1186 и 1188 гг., и еще раз — в 1199 и 1200 гг.

Для восстановления более ранних летописных сводов, созданных на Северо-Востоке Руси в период феодальной раздробленности, привлекается и Лаврентьевская летопись, последняя статья которой датируется 1305 г.

Сравнение, с одной стороны, Радзивилловской, Московско-Академической летописей и «Летописца Переяславля Суздальского», а с другой — Лаврентьевской летописи, обнаруживает существенные расхождения между ними в освещении владимиро-суздальских событий, начиная с 1157 г. Выразительным смысловым несопадением в текстах сравниваемых летописей отличается описание в погодной статье 1176 (6684) г. событий, в которых участвовал князь Михаил Юрьевич (Михалко). В Радзивилловской и Московско-Академической летописях, а также «Летописце Переяславля Суздальского» рядом с его именем фигурирует имя Всеволода Юрьевича. Если же обратиться к Лаврентьевской летописи, то в ней Михаил Юрьевич выступает как единственный персонаж всех событий. На протяжении одной годовой записи в Радзивилловской летописи в повествовании о деятельности Михаила Юрьевича имя его брата Всеволода упоминается не менее 10 раз:

Лаврентьевская летопись

«Володимерци же укрепившеся послашася Чернигову по Михалка...»

«Михалко с Москвы поеха Володимерю...»

«И яви дружине заоутра поеха изъ Суждаля борзо яко ж и на заяць дружине постигающи его Михалку не доехавше Володимеря...»¹.

Радзивилловская летопись

«Володимерци ж(е), укрепившес(я), послашас(я) к Чернигову по Михалка и по брат(а) ег(о) Всеволода...»

«Михалко с Москвы поеха с братом со Всеволод(о)мъ к Володимерю...»

«И яви друж(и)не заутра, и поеха с Суждаля борзо, якож(е) иная же на заяць друж(и)не постигающи его, Михалку не доехавшю Володимиря со брат(о)мъ Всеволод(о)мъ...»².

¹ Полное собрание русских летописей... — Т. 1. — Стб. 375—376.

² Там же.